



ВСЕЛЕНСКОЕ ДЕЛО. ВЫП. 1 (Одесса, 1914)

От редакции

Не для нового отягощения библиотечных полок, не ради усиления столичного шума, словесной и книжной войны, от которой все уже привыкли не ждать ничего доброго и на которую не обращающая внимания —

«бегут за делом и без дела,
Однако — больше по делам»¹, —

предназначаем мы наше начинание.

Клеймо ничтожности наложено на все деловое и деловитое.

Так будет до тех пор, пока многие дела не заменятся одним Делом.

Мыслимо ли дело, способное объединить в себе все дела человеческие?

Поисками такого дела занят был весь XIX век и не нашел его, за что и был изъязвлен мировую Скорбью и съеден мировую Скукой.

«Великая печаль посетила людей. Лучшие устали от дел своих. Объявилось новое учение, новая вера распространялась с ним: “все пусто, все равно, все было”. Все источники иссякли и море ушло от берегов.

“Ах, где же то море, в котором можно было бы утонуть?”

Так разносится жалоба наша далеко над плоскими болотами»².

Но были болота, где и такая жалоба не разносилась.

«Возникшая до высшей степени пустота. Пустословие. Сплетня, перешедшая пределы. Как все это возникло из безделья и приняло выражение пошлое в высшей степени. Как люди неглупые доходят до делания совершенных глупостей. Как пустая и бессмысленная праздность жизни сменяется мутною, ничего не говорящею смертью.

Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются. Смерть поражает не трогающийся мир!..»³

В нестерпимой жажде и желании зачался двадцатый век.

Чем-то неожиданно новым и вместе знакомо давним повеяло отовсюду, и все изумленные спрашивали друг друга — что это?

И никто не решается — как сказать и что начать.

Если лучшие из нас это забыли, уставши от дел своих, то не вспомнят ли худшие, уставшие от безделья своего?

Не нам ли приходится, счастливым и смущенным, стать в наши дни знаменосцами поневоле? Как бы то ни было, но отыскан — всемирный стяг.

Оно будет поднято, это знамя, лежавшее в пыли, и на нем ясная надпись.

Не все пусто. Не все равно. Не все еще было. Есть по крайней мере одно, чего доселе не было. Есть море, в котором еще можно утонуть, потому что его еще должно переплыть.

Есть еще победа, из-за которой стоит воевать.

Есть еще ветер, сметающий всякую смертельную усталость.

Дело всеобщее, дело, равно необходимое для всех людей до единого, существует, пока существует всеобщий враг.

Все его знают. Все от него терпят. Не настало ли время всем миром тронуться против него в поход?

Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний, всех верований, мнений, убеждений, — соединяйтесь!

Только в совместной и дружной борьбе со всеобщим врагом, в непримиримом ежечасном бою, где не окажется лишней ни одна сила, не останется не использованным ни одно оружие, мы овладеем своим прирожденным правом — правом на бессмертие.

Всех, кто считает победу над Смертью, победу не в мистическом только и не в метафорическом каком-либо, а в самом прямом, простом и точном смысле *возможной* и *желательной*, — призываем мы к сближению и объединению.

Даже если бы кто не решился утвердить *возможность*, достаточно, если и эту цель находит он достойной того, чтобы к ней стремиться.

Возможность или невозможность узнается из опыта.

Как судить о ней, пока не сосчитаны силы, не испытаны средства?

Счастливы, уверовавшие в успех, еще не видя его.

Но и неверующим — отчего не попробовать?

Отчего не вложить персты в язвы человечества, не исследовать причины, благодаря которым смерть вошла в мир?

Чем они рискуют?

Не этой ли жизнью, которая и без того во власти чужой и слепой силы, отбирающей ее в любой момент без спросу и позволения?

Другое дело — кто не желает победы, кто заявляет, что смерть ему мила и любезна.

Быть может, он что-нибудь и выгадает такую хитростью.

Мы — предпочитаем действовать открыто.

И мы знаем, что тайная воля наших противников, если такие найдутся, — будет, неведомо для их сознания, на нашей стороне.

Ведь и повальные самоубийства нашего времени — о чем свидетельствуют, как не о протесте человеческого достоинства против унижительного, непереносного, нелепого житья, которое стыдно назвать жизнью.

Да! Скажут многие — мы принимаем вашу цель — но путь? Каким путем хотите вы достигнуть ее? Но именно для того и хотим мы собрать всех сознавших цель, чтобы сговориться насчет путей.

Мы хотим подвергнуть вопрос перекрестному обсуждению, чтобы ни одно предположение не осталось не высказанным, ни один проект не использованным, ни одна мысль не проверенной на практике.

Многое еще надлежит выяснить.

Но есть уже сейчас два пункта, для всех нас совершенно ясные.

1) Дело борьбы со смертью — есть дело общее, дело всего человечества, — изгнание смерти из мира неосуществимо никакими одиночными усилиями.

Нет и не должно быть такого эликсира, который давал бы возможность немногим бессмертным владычествовать над массою смертных.

Олимпийцы всех родов всегда были и будут рабами Мойры, только долговечными, но не бессмертными.

Вселенское дело и только оно окончательно уравнивает всех людей в праве и обязанности.

Сознание всеобщей связи, ответственность всех за каждого и каждого за всех, всемирная круговая порука — это первое условие победы.

2) Борьба, по нашему убеждению, должна вестись одновременно в созерцании и в действии, в теории и в практике, одушевлении и напряжении, в тайне и наяву, в мистике и в науке.

По большей части дело до сих пор шло так, что люди, увидевшие цель, застывали в ее созерцании, отмахиваясь от всяких дел как суеты и помехи.

Но, если бы уж необходимо было выбирать непременно одно из двух, то скорей близорукие действия доведут до цели, чем дальнорукое бездействие!

Больше вероятности, что слепой скороход доберется до места назначения, чем безногий ясновидец. Да и о чем тут спорить?

Кому кто нужней — кто без кого обойдется: архитектор с самым гениальным планом без плотников, каменщиков, подрядчиков — или все они без архитектора?

Лишь бы общая цель была ясна, — лишь было бы решено окончательно, что строить — Храм, дворец или конюшню?

Нам не о чем спорить с мистиками всех видов и толков, достаточно только напомнить им их собственные постоянные предостережения относительно не церковной, не вселенской мистики как обмана и прелести.

Повторить им еще раз, что все тайное должно становиться явным, невидимое — видимым, всякая работа над собой без ревности о спасении Целого, умное делание, не связанное самым тесным образом со вселенским Делом, — оказывается в лучшем случае невинной безделкой, а в худшем — постыдной сделкой с мировым злом.

Не о чем рассуждать и с материалистами — всех оттенков, когда они утверждают, что мысль есть движение вещества.

Мы приглашаем их доказать это, а доказать это можно единственным способом — превращением всего мертвого вещества в мысль и чувство, воссозданием из праха живых тел, т. е. тем самым делом, которое завещано новому человечеству религиозным преданием и художественным предвидением минувших веков.

Не о чем пререкаться с общественными деятелями на всех пририцах, так как все их деятельности получают смысл и оправдание во всеобщем деле и только в нем.

Консерваторы всех родов должны сознаться, что не охранение смрада и тления, т. е. не охранение вечного разрушения должно быть их задачей, но восстановление нетленно-целостного.

Впрочем, кто даже не во всем согласится с только что изложенным, кто остался бы в убеждении, что победа над смертью возможна и на изолированном, одиночном пути или же, что достаточно для этой цели соединить одни только мысленные усилия, одни только порывы чувства или одни только совместные действия, — и того мы приглашаем сюда и хотим выслушать до конца.

Реформаторы могут ли отрицать, что всякое преобразование явится новою заплатой на старые меха, если оно не будет ступенью к окончательной, радикальной реформе.

И ему самому не повредит, быть может, выслушать со своей стороны и всех нас.

«Вселенское Дело» выходит выпусками без определенного срока, но не менее 2-х раз в год.

Настоящий — первый сборник — конечно, охватывает лишь ничтожную долю всего, что можно и должно высказать по затронутым в нем вопросам. В дальнейшем предполагается ввести постоянные отделы хроники и библиографии, где будет даваться исчерпывающий обзор всего, что появляется в русской и иностранной литературе касательно борьбы со смертью и вообще овладения человеком слепыми силами природы.

Всех желающих высказаться по этому поводу с религиозной, философской, художественной, научной и всякой иной точки зрения и вообще всех, кто интересуется нашим начинанием, просим направлять рукописи, книги, всякого рода предложения, письма и т. д. по адресу:

Одесса, Дегтярная 10, кв. 3.
М. М. Албулову.
(Для «Вселенского Дела»).

И. БРИХНИЧЕВ

Дело Иисуса

(Над Евангелием)

I ИДИ ЗА МНОЮ

Оно искажено и сужено — Дело Иисуса. Оно ослаблено и обесцвечено.

Из бесконечного — его сделали временным. Из активного — пассивным.

Из победного и творческого — бессильным и безразличным.

И опять: его нельзя исказить и сузить — Дело Иисуса. Его нельзя ослабить и обесцветить.

Полагают, что Дело Его в *новой морали*.

Но стоит только раскрыть Благую Весть и ясно, что это — не так.

Веря — не верим.

Повинуясь — противимся.

«Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! Позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Матф. VIII, 21, 22).

Стоит человек перед Источником Жизни.

Свидетельствует перед всеми, что верит Ему.

И все же намерен идти *погребать отца*.

У него *нет* даже иной мысли, кроме как — *погребение*.

Покорность перед смертью царит в нем безраздельно.

Она заслоняет ему самую жизнь.

И хотя он и утверждает, что верит, — в нем нет веры ни в жизнь, ни в Иисуса.

Если бы он поверил — открылись бы глаза его и он увидел бы, что жив, а делает дело мертвых.

И сказал бы:

«Учитель! Ты — Путь, Истина и Жизнь, а отец мой умер.

Пойду и воскрешу отца моего...»

Мертвые погребают своих мертвецов, а живые дают им жизнь.

Конечно, легче погребать, чем давать жизнь, но мы призваны к последнему.

Когда тысячные толпы народные, после продолжительной проповеди, взалкали, ученики хотели отпустить их, но Иисус сказал — *вы дайте им есть*.

Теперь, когда другой ученик говорит: «Позволь я погребу отца моего — он умер», — Иисус отвечает: «Ты воскреси...»

Это и значит — Иди за Мною:

Я воскрешаю и ты воскреси».

II ОНА БУДЕТ ЖИВА

«Когда Он говорил им, подошел к Нему некоторый начальник и, кланяясь Ему, говорил: дочь моя теперь умирает, но приди, возложи на нее руку Твою, и она будет жива.

И встав Иисус пошел за ним и ученики Его».

(Матф. IX гл. ст. 18—26)¹.

Кто поверил, что Иисус — жизнь, тот уже жив и уже никогда не умрет.

Он соединил свой провод с Божественным жизненным Током.

Он соединился с Жизнью.

Он — сам — Жизнь.

Смерть уже не имеет власти над ним, ибо через него действует вся полнота Жизни, сжигающей смерть.

Кто же поверил в Жизнь и потом усомнился, тот подобен человеку, выключившему свой провод, разъединившему себя с Божественным Током.

Что он такое? Холодная проволока, лишённая силы и духа.

Юноша, от Источника Жизни идущий погребать отца своего, подобен последнему.

Иаир — первому.

Он верит в жизнь, а потому — знает, что, хотя дочь его умирает — она будет жива, если Жизнь прикоснется к ней, а Она обязательно прикоснется к тем, кто Ее ищут.

Прикоснется и сообщит им Свою Силу.

— Уберите свирельщиков и плакальщиков.

Успокойся, смятенный народ! И не плачь, и не смейся.

— Она — не умерла, но спит. — Огонь прогоняет холод и мрак.

Жизнь прогоняет — Смерть.

Он — Жизнь.

И «вошед взял ее за руку и девица встала».

III МЕРТВЫХ ВОСКРЕШАЙТЕ

«И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь...»

Хотя же проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное.

Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте»!.. (Матф. X, 1—8).

Если юноше, просившему разрешения сходить прежде похоронить отца и затем вернуться к Нему, Иисус говорит — «пусть мертвые погребают своих мертвецов».

Если для воскрешения дочери Иаира — идет Сам.

То двенадцати апостолам, посылаемым на Дело Его, Он определенно говорит: *больных исцеляйте, мертвых воскрешайте*.

Для тех, кто хотел бы *подлинное Дело Иисуса — Воскрешение и Преображение Всего Космоса* — низвести на степен проповеди новой морали, слова «мертвых воскрешайте» звучат в переносном смысле и относятся к *мертвым духом*.

Но нам ясно, что здесь Господь говорит *не о духе, а о плоти*.

И самое характерное здесь то, что такое величайшее дело, как победу над смертью, Он, как и проповедь, как и дела милосердия, включает в непрременную обязанность апостолам — «прокаженных очищайте... *мертвых воскрешайте*», не выделяя ее как нечто, если и возможное, но все же редкое.

Но... повелевая исцелять *всякую* болезнь и *всякую* немощь в людях, повелевая возвещать Слово Жизни *каждому* желающему слушать, тем самым и заповедь «мертвых воскрешайте» относит ко всем мертвым, а не только к случайным.

И не сказано — воскрешайте мертвых праведников, а просто мертвых.

Мертвых воскрешайте.

Вот какова власть, данная Иисусом верующим и каково подлинное дело их...

Что гордитесь тем, что подаете милостыню, посещаете больных, принимаете странников, ходите в тюрьмы, проповедуете слово!..

Есть еще одно дело — несравненно большее и значительнейшее, всего того, что вы делаете — для себя и для ближних и для Всего Космоса.

Совершивший его — совершает все.

Не совершивший — ничего не совершил.
Дело это — победа над смертью.
Мертвых воскрешайте!

IV НЕ БОЙТЕСЬ УБИВАЮЩИХ ТЕЛО (Матф. X)

Мертвых воскрешайте! Но до той поры, пока все Тело не пожелает быть просветленным и воскресшим, пока еще «брат брата будет предавать на смерть и отец сына — идите и безбоязненно проповедуйте Слово Воскрешения и Всеобщей ответственности, как это делал Сам Начальник веры.

Не берегите души своей?..

Пусть изможденное пыткой и мученьем тело ваше и вы сами — вызовете в окружающих то же отношение, какое проявили фарисеи ко Христу на Голгофе.

Других спасал — ужели сам не может спастись?

Других воскрешал — ужели не может воскресить себя?

Пусть.

Мы знаем, что для нас, как и для Начальника веры, — возможен путь к Воскресению — и чрез казнь — через гору Голгофу.

Умрем ли сами?

Все не умрем, но изменимся все. Да минет нас Чаша Смертная. Вся наша воля да выльется в этой молитве. Но если Воля Отца иная, то да будет, как хочет Он.

Тогда и только тогда грусть и боль кончины не отравится укусом и желчью.

Но готовы мы ко всему.

Кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня.

Но — это и вселенский крест.

Дворец будет достроен и смерть побеждена, когда последний из смертных положит свой последний камень в завершение дела.

Как мы можем быть блаженными, когда есть еще несчастные?
С последней победой последнего человека рушится ад.

Блаженство настанет, когда будет вытерта последняя слеза.

Новое Небо — Новая Земля, Воскрешенная, Преображенная.

V МЕРТВЫЕ ВОСКРЕСАЮТ

«И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите. Слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и ни-

щие благовествуют. И блажен, кто не соблазнится о Мне» (Матфей XI, 4, 5, 6).

Дело Иисуса не в новых заповедях, а в явлениях духа и силы.

Вы верите в Мессию... Вам нужен Искупитель?

Но от чего вы хотите искупиться? И кого искупить?

Это — не праздный вопрос.

Кто жаждет искупления социального — освобождения от общественного зла, — для того Христос слишком небесен.

Кто жаждет спасения своей души, для того Он — слишком земной.

Любит есть и пить вино. Друг мытарям и грешникам.

От чего же вы хотите искупиться?

На вопрос Иоанна — Он ли Мессия? Иисус указывает на признаки, по которым можно определить Его Мессианство.

Это — не проповедь личного уединенного подвига.

Не организация нового социального строя, хотя и это все входит в Его Дело.

Это — явления духа и силы.

Это — могущество над смертью и адом.

Это — победоносная борьба с мировым микробом.

Человечество создано для жизни.

В общении Адама с Евою.

В сращенности с Целым.

Адам — Человечество.

Ева — Жизнь.

Один — пожелал обособиться.

Стать, как Бог, знающий добро и зло. Словно божество может знать только. Знать зло и не действовать для его уничтожения!

Это и был первородный грех.

Грех есть — забвение Целого. Отринули заповедь обладания, управления всею землею.

Но отделение одного от всех — есть смерть одного.

Так вошла смерть.

Христос указал Путь к возвращению к Целому.

К победе над Смертью.

К управлению Землей и Небом.

Что Его Путь истинен, что Он действительно обладал всякою властью — это видно из того, что Он не только Сам преобразился и воскрес, но и других исцелял, преображал, воскрешал.

Конечно — Он Искупитель, если Он знает средства в борьбе со Смертью и указывает путь для всех грядущих за Ним крестноносцев.

Приходите же к Нему все — труждающиеся и обремененные, и Он успокоит вас.

Но, идя к Нему, *возьмите иго Его на себя.*
 Не только идите и верьте Ему, но и *возьмите иго.*
 Это особенно заметьте.
 Иго — это ярмо.

Смотрите — не забудьте, идя за Христом, взять Ярмо Его на шею свои. Запрягитесь в Колесницу мира. О! насколько легче она ваших неуклюжих телег!

Проникновение сознанием ответственности за Все и крестоносный путь на Вселенскую Голгофу для последней победы над смертью — вот иго Его.

Не бойтесь подвига не по силам.

Он сказал:

Иго Мое благо и бремя Мое легко.

А Он ли скажет и не сделает. Будет говорить и не исполнит?

Итак, что вопиешь ко Мне?

Скажи сынам израилевым, чтобы шли.

Победа не замедлит прийти.

VI ЗНАМЕНИЕ ИОНЫ ПРОРОКА

«Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! Хотелось бы нам видеть от Тебя знамение.

Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка.

Ибо, как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Матф. XII, 38—40).

Не верят Иисусу — потому что *закрыли глаза на главное.* Все видят, кроме того, ради чего и стоит иметь открытыми глаза.

Есть два пути религиозного познания — разум и вера.

Ниневитяне поверили Ионе и спаслись от гибели.

Царица Савская, чтобы познать мудрость, прибыла от пределов земли к Соломону.

И вот тут — больше Ионы и больше Соломона.

Ищите учености.

Но кто учнее Того, кто знает Тайну победы над величайшим врагом всякой жизни — Смертью?

Ищите освобождения от грехов.

Но что больше? Сказать: «иди и не грешь» — или научить пождать смерть?

Сказать: «не убей, не укради, не прелюбодействуй» — или уничтожить всякую возможность убивать, красть, прелюбодейст-

вовать, победив смерть, преобразив творение, соделав его из под-
 верженного тлению — нетленным, из уязвимого — неуязвимым?

Знамения ищет род прелюбодейный, а величайшее из знамен-
 ный оставляет незамеченным.

Воскресение Христа — вот величайшее знамение всех времен.

А воскрес Христос — воскреснем и мы... Или Он не воскрес?

Возможное для Одного — возможно для всех.

Общими усилиями, под началом Иисуса — камень будет сдвинут.

«И Сад цветами убелен».

VII ОН ВОСКРЕС ИЗ МЕРТВЫХ

«В то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе. И сказал служащим при нем: это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им» (Матфея XIV, 1, 2).

Кто это — исповедует свою веру в воскресение? Апостол? Про-
 рок? Священник?

Ирод — убийца Иоанна.

Какая победная радость!

Если те, кто усекают головы пророкам и строят гробницы пра-
 ведникам, начинают исповедывать воскресение, то не приблизи-
 лось ли к нам Царствие Божие?

И оно действительно было близко, как и всегда близко.

Стоит только людям, объединившись и проникшись сознанием
 своей сраченности друг с другом, взаимной ответственности за
 все и за всех, двинуться Путем Победы.

*Но горе человекам в том и состоит, что насущное, самое суще-
 ственное они замечают только последним, как бы в конце веков.*

Не хотят сейчас, а непременно в конце веков — завтра.

Ирод свидетельствует о воскресении, а ученики величайшего
 между рожденными женами — «пришедши, взяли тело его и по-
 гресли его».

Вот и все, на что было подвигнуто их любящее сердце.

Погрести тело Учителя.

А потом?..

«Пришли и возвестили Иисусу».

Что возвестили?

Страх и ужас.

— Беги, Учитель! Иначе и с Тобой будет то же.

Ни одной мысли о воскресении Праведного, ни одной попытки
 к тому.

Все — сплошное погребение.

Беги хоть Ты.

Ужас и покорность Смерти.
 Вера не в Бога, а в Дьявола и Ирода.
 Не в Жизнь, а в Смерть.
 Уверенность не в победе, а в поражении.
 О, ненадежное, страшливое войско!
 О, стадо — обреченное на заклание!
 Поднимите свои головы...
 То, чего вы так боитесь, — мираж, уже не раз рассеянный Си-
 лою Духа.
 Енохом, Илиею, Елисеем, Иисусом, Апостолами и верующими
 во Имя Его.
 Соединитесь и бодро, а не с понурыми головами, — в поход!
 Пусть первые ряды падут. На смену вам идут другие, сильней-
 шие, которые овладеют твердынями...
 Сотрут лицо Змия..
 На Пир Победный Дух призовет тогда и тех, кто пали, не дож-
 давшись Вселенского Дня.
 Воскреснут мертвые и восстанут сущие во гробах.
 И все земнородные возрадуются. Аминь.

VIII ЧЕРЕЗ ГОЛГОФУ К ВОСКРЕСЕНИЮ

«С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что
 Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин
 и первосвященников и книжников и быть убиту и в третий день
 воскреснуть» (Матф. XVI, 13—28).

Иисус сделал все, чтобы ученики поняли Его, как должно.
 Он испытал их веру, и они устами Петра признали в Нем Сына
 Божия.

И все же — то, что они услышали, оказалось выше их разуме-
 ния. Их лобное место наглухо закрыто было от истины косностью
 непросветленного Адама.

Ирод и Кесарь — вот враги Израиля...
 Царство нынешнего дня — вот золотая мечта.
 А Он? Что Он им говорит?
 О страдании, о смерти, о воскресении...
 «Будь милостив к Себе, Господи». Взывает Петр — в ответ на
 сообщение об Истинном Деле Иисусовом — кровавой, быть может,
 но неизбежной борьбе со смертью...

Я — еще всецело владеет Петром.
 Ответственность за Целое — для него еще пустой звук.
 Иисус никогда, кажется, еще с такою силою не подчеркивал
 перед учениками обязанностей их перед Целым и непреложных
 путей человечества, как в ответ на Петрово жаление...

Через Голгофу — к воскресению — вот путь Мессии.
 Голгофа сама по себе не мука — не казнь.
 Она только понимание — разумение. Нужно, чтобы мозг осоз-
 нал порывы сердца.
 Узнайте Истину. Истина сделает вас свободными.
 Не захотите узнать свободно, узнаете невольно — подвигнутые
 на страсть, на боль слепым, но вещим влечением души вашей.
 Но если уж страдать, то только Его страстию бесстрастно, Его
 богооставленностью богонасыщенной. Пусть страждет в нас Сын
 Человеческий, а не Сын погибели. Не у нас ли во власти всякое
 страдание свое приблизить и слить с Его страданием, помыслив:
 «Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам на-
 шим приняли, а Он? Мы все болееем духом и телом — значит, все
 еще на Голгофе страсти, а если мы, то и Он рядом с нами, нашего
 ради спасения. Вопрос только в том: по какую сторону Его креста
 мы находимся: правую или левую?»

Через Голгофу — к воскресению — путь всех учеников Его.
 Другого пути нет.
 «Если, кто хочет идти за Мною — отвергнись себя».
 «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее».
 Что трепещете, маловеры?
 Не лучше ли раз потерпеть — потом Победа?
 Чем вечно жить под угрозой Смерти?
 Но не бойтесь...
 «Суть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти,
 как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Сво-
 ем».

IX СДЕЛАЕМ ЗДЕСЬ ТРИ КУЩИ

«Взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его и возвел их на
 гору высокую одних. И преобразился пред ними» (Матфея XVII,
 1—13).

Есть два рода ответственности. Одна берет на себя — в свою со-
 весть — тяжесть всех язв, всех болезней, всех горестей и всех
 страданий мира.

Другая — не довольствуется этим, но стремится отдать все радо-
 сти, все восторги, все благословения — всему и всем до последних
 пределов.

На пути в Кесарию Филиппову Петр выявил отсутствие в себе
 ответственности первого вида, когда на сообщение Господа о пред-
 стоящей казни за спасение Сущего воскликнул: «Будь милостив
 к Себе, Господи!»

На горе Преображения показал и отсутствие Ответственности второго рода.

Совершилось величайшее от века чудо.

Тело Человеческое преобразилось.

Заструилось, засияло ослепительным, нетленным светом..

На Петра и его спутников пахнуло бессмертием.

И как бы в подтверждение действительности, а не призрачности факта Преображения, являются Моисей и Илия — *живые* и беседуют с Иисусом.

Что делает Петр, созерцая столь необычайное зрелище.

Золотую мечту вселенной.

Бежит с горы, чтобы возвестить миру великую радость?

Нет.

«Господи! *хорошо нам здесь быть*, если хочешь, сделаем здесь три кущи — Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илию».

Вот его единственное желание.

Забота о себе и близких.

Хорошо *нам*.

А о тех, кто в Долине, и не вспоминает...

Началось общение с Богом.

Слышится Голос Отца.

Что-ж, какое все это производит на учеников действие?

Рабское...

Они пали на лица свои и испугались..

Точно так же, как несколько позже — во время пребывания в Галилее, когда Он сообщил им, что «Сын Человеческий предан будет в руки человеческие и убьют Его и *в третий день воскреснет*»^{3а}.

Они весьма опечалились. С апостолов к этому времени не спала еще старая шелуха Закона.

Не восчувствовалась еще ими сраченность с Целым.

Не поняли они еще, что величайшая победа — это не победа над Иродом и Кесарем Римским, а победа над Смертью.

Вот почему и печалились там, где должно было ликовать и беспрекословно следовать за Ним.

Лучшие вожди ведут чаще всего на смерть.

Этот — только к бессмертию, хотя бы и через замирание Голгофы.

Пойдем за Ним.

Х

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ НЕ ДЛЯ ТОГО ПРИШЕЛ

«Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матф. XX, 17—28).

Ни чудеса, ни силы, проявленные Иисусом, ни собственное признание в Нем Сына Божия, ни Преображение, ни воскрешения — не изменили до времени психики учеников Его.

В них еще твердо сидит Закон. Они <только> себя еще знают.

Все мечты о царстве мира сего, где последний Властелин — смерть. Как будто этой жалкой подделкой удовлетворится сердце человеческое.

«И, восходя в Иерусалим, Иисус дорогою позвал учеников одних и сказал им — вот мы восходим в Иерусалим и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам и осудят Его на смерть. И предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие и в третий день воскреснет».

Что же? Поняли они Иисуса? До изумительности — нет.

Тотчас же — вслед за сообщением Иисусом ученикам о наступающей Голгофе и воскресении подходит мать сыновей Зеведеевых, просит предоставить детям ее первые места в Царстве своем.

«Можете ли пить чашу, которую Я буду пить и креститься крещением, которым Я крещусь?»

Наводит Иисус мысли их на Подлинное Дело Его, ради которого и пришел и которое неизбежно предстоит им продолжить.

— Можем — отвечают сыновья Зеведеевы, нисколько не возражая матери по поводу ее странной и не нужной просьбы.

Что же делают прочие ученики?

Изумлены поведением сыновей Зеведеевых?

Что делает Петр?

Объясняет остальным истинное значение Дела Христова?

Нет.

«Прочие десять вознегодовали на двух братьев».

И еще раз говорит Иисус ученикам все о том же.

И еще раз терпеливо уясняет им Свою и их Миссию в этом мире.

«...Князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими;

Но между вами да не будет так, а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою.

И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом;

Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих».

Вот за каким Царством всемирного служения — сошли мы все на эту землю — и, может быть, еще помнили и мечтали о нем в раннем детстве, а потом забыли. Но Оно не забыло нас и забыть не может.

XI БОГ НЕ ЕСТЬ БОГ МЕРТВЫХ

«Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией. Ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж. Но пребывают, как Ангелы Божии на небесах.

А о воскресении мертвых не читали ли реченного вам Богом: «Я Бог Авраама и Бог Исаака и Бог Иакова?» Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Матф. XXII, 23—32).

Есть наука истинная. Она не отрицает Бога, а идет от Бога и к Богу.

И есть наука ложная — она происходит из желчи ложных пророков.

Многие ослепли от ложной учености.

Саддукеи отрицали воскресение потому, что не поняли закона об ужичестве, о восстановлении семени умершему брату.

И не поняв *второстепенного* — ужичества, — они отбросили главное: воскресение.

Апломб невежд всегда доводит их до посрамления — «этим ли приводитесь в заблуждение, не зная Писаний, ни силы Божией».

Отвечает Иисус на их ложную словесную твердыню, и они уже бессильны.

Только в царстве «от мира сего» мог быть закон ужичества.

В общине Христовой уже все разрешается всеобщей ответственностью.

В царстве же Божиим, где будут побеждены законы тления и *преображены Плоти*, отношения будут новые, соответствующие новым состояниям.

Итак, как вы можете, веря в Бога, отвергать воскресение?

Разве Бог — Бог мертвых, а не живых?

Или признайте Бога, тогда признайте и воскресение.

Или если отвергаете воскресение — отвергайте и Бога.

Не делайте Отца Живни, Бога Живого — Богом покойников, Вселенским Кладбищенским сторожем.

Бог не есть Бог мертвых, но живых.

XII МОГУ РАЗРУШИТЬ ХРАМ

«Пришли два лжесвидетеля. И сказали: Он говорил: “могу разрушить храм Божий и в три дня создать его”. И встав первосвященник сказал Ему: Что же ничего не отвечаешь?» (Матфея XXVI, 60—65).

Иисус на суде у Каиафы. Нужны, конечно, лжесвидетели, чтобы обвинить Невинного.

Они найдутся.

«Могу разрушить Храм Божий и в три дня создать Его».

Конечно, это — лжесвидетельство.

Зачем было Христу разрушать Храм и вновь созидать его?

Он знал, если не узнает народ Божий времени посещения своего, то от всего их ритуала и от Храма, этой твердыни закона, не останется камня на камне. Ибо разве могли бы они простить сами себе невнимательность к Величайшему моменту собственной истории?

Все будет разрушено...

И на месте самого Иерусалима будет проведен плуг.

Зачем разрушать храм?

Но так уж ничтожны часто понятия людские.

Характерно здесь то, что Христос весьма серьезно говорит, что силен воскресить Тело Свое, если оно будет разрушено.

А враги Его весьма серьезно же понимают, что Он хочет Сам разрушить Храм и в три дня создать его.

Обычное явление.

Если я обладаю зоркостью на несколько сажень, как я увижу то, что на расстоянии миль?

Как они могли допустить, что Христос говорит о воскресении тела, когда разрушение Храма и воссоздание его в три дня представляется для них чудовищным и невероятным.

Земнородные! Расширяйте поле вашего зрения!

Раскрывайте заложенные в вас возможности.

Делайтесь подобными Ему...

Тогда не только поверите в возможность в три дня разрушить и восставить Храм тела, но и сами будете воскресителями.

Знамение Ионы пророка разрушит все ваши маленькие человеческие вычисления.

И если вы, благодаря вашей обюродившей мудрости, не хотите верить — увидите!..

XIII ВОСКРЕШЕНИЕ ПРЕДКОВ

Апостол рисует момент смерти Иисуса так:

«Иисус же, возопив громким голосом, испустил дух.

И вот завеса в Храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась.

И камни расселись.

И гробы отверзлись, и многие тела усопших святых воскресли и, вышедши из гробов по воскресении Его, вошли во святы град и явились многим»².

Читая это место Благой Вести в связи с мыслями Н. Ф. Федорова о воскресении предков, невольно спрашиваешь себя: кто воскрес в момент смерти Иисуса?

Кто эти первенцы воскресения из Адама Древнего?

Я склонен утверждать, что это — предки Иисуса.

Они, конечно, не умерли вторично, ибо в противном случае им незачем было и воскресать.

И живут с Ним в Новой Преображенной Плоти, *способствуя общему Воскрешению.*

Голгофа Иисуса — воскресила Его предков.

Голгофа каждого из нас должна воскресить предков наших.

Так совершится всеобщее воскресение.

Может быть, и ты, верный старой закваске книжников и фарисеев, захочешь приложить печать своего неверия к Вселенскому Гробу, чтобы не сбылись слова «Обманщика».

Но даже Пилат откажется содействовать в этой безумной затее.

Рассудок уклоняется от чести быть сторожем Мрака и Гибели.

«Имеете стражу, пойдите охраняйте, как знаете»³.

Смотрите же напрягите все ваши силы, чтобы не пришлось и вам, как некогда первосвященнику, подкупать стражу.

Бодрствуйте, потому что «Идет и жжет».

XIV ОН ВОСКРЕС Матф. XXVIII

Иисус уже третий день во гробе.

На рассвете третьего дня Мария Магдалина и другая Мария приходят к пещере.

Но зачем?

Увы, только затем, чтобы *посмотреть* гроб.

О, как забывчивы ученики Христовы!

Не говорил ли Иисус им много раз о том, что Он — Путь, Истина и Жизнь?..

Не возвещал ли Тайну Воскресения?

Не показал ли на примерах Лазаря, сына вдовы, дочери Иаира, что смерть — мираж и что Он — Начальник Жизни?

Не уверял ли Он их многожды, что верующий в Него не умрет?

И все же у них мысли нет о воскресении Учителя и о всеобщем воскресении.

Они идут *посмотреть* гроб.

Но, если мы косны, то Господь не медлит исполнением обещания.

Если мы не делаем ничего для Вселенского Воскресения, то Он Сам предпримет к тому шаги.

«И вот сделалось великое землетрясение».

И ангел отвалил камень от двери Гроба.

Для чего здесь ангел? Помогал ли он Иисусу при воскресении?

Нет — Иисус воскрес в момент, когда произошло землетрясение, Сам Силою Духа Святого.

И, обладая новым, преображенным телом, прошел через все преграды незаметно.

Камень отвален не для Иисуса, а для учениц.

Ангел — свидетель Воскресения.

«Его нет здесь. Он воскрес, как сказал.

Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь.

И пойдите скорее — скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предвещает вам в Галилее, там Его увидите».

Два чувства овладели ученицами — страх и радость.

Они бежали, чтобы поскорее увидеть апостолов.

И вот по пути их встречает Иисус и говорит: «Радуйтесь».

Искание и самоотречение всегда встречают Иисуса на пути.

Они никогда и никого не посрамили.

Только самоспасание и косность бесплодны.

«Увидев Иисуса, они ухватились за ноги Его».

Теперь уже нет сомнений, что Учитель воскрес.

Они видели ангела, свидетельствовавшего о воскресении, видели пустой гроб, были очевидцами землетрясения.

Но пока боялись...

Теперь — они слышали Его Самого и осязали ноги Учителя.

* * *

Разно приняли люди весть о воскресении.

Женщины — поверили.

Воины — испугались.

Священники пустились на подкуп.

Ученики: одни поверили и поклонились, другие усумнились.

«И приблизившись Иисус сказал им:

Дана Мне всякая власть на Небе и на Земле.

Итак, идите и научите все народы, крестя их во Имя Отца и Сына и Святого Духа.

Уча их соблюдать *все*, что Я повелел вам.

И се Я с вами во все дни до скончания века. Аминь».

XV ЧТО ЗНАЧИТ ВОСКРЕСНУТЬ ИЗ МЕРТВЫХ

«И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит воскреснуть из мертвых» (Марка IX гл. 10 ст.)

Этот вопрос апостолов наивен до странности.

Что может быть проще, как фраза Иисуса — «доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых»!

Воскреснуть из мертвых. Не значит ли это — вернуться от Смерти к Жизни? Так кажется, и иного смысла нет.

Но апостолы недоумевают.

Я объясняю это недоумение апостолов тем, что они более верят в Могущество Смерти и Тления, чем в Силу Иисуса.

С чем хотите они согласятся, только не с победой над Тлением. Они признают даже бессмертие духа.

Но не плоти.

Плоть должна разрушиться.

Почему?

Потому что так *всегда бывает*.

Так — *все говорят*.

Так — *все думают*.

Потому что *загипнотизировали себя*.

Заставили верить больше в Смерть, чем в Жизнь.

И даже тогда, когда Сама Жизнь свидетельствует обратное — все-таки оставляется место сомнению и недоумению...

Что значит воскреснуть из мертвых?

Одно, только одно значит.

Победить тление. Создать распавшиеся частицы.

Воссоздать нарушенный образ.

К соединению всех сил всего сущего на борьбу со Смертию.

К приобретению Силы Духа Святого, дающего эту победу.

Вот призыв Иисуса.

Еще так недавно нельзя было говорить «умным» людям о воскресении.

И вот уже науке становится ясным, что *смерти нет*.

Бахметьев утверждает, что смерть есть длительное замораживание протоплазмы⁴.

Еще лучше было бы сказать, что Смерть есть Вселенский Холод.

Итак — что значит воскреснуть из мертвых?

Не значит ли победить мировое окоченение...

Холод прогоняется огнем.

Воскреснуть из мертвых — значит подвергнуть себя действию Всеоживляющего Вселенского Огня.

Соединить себя с лучами сильнейшими, чем лучи солнечные...

Надо отыскать эти лучи... Слава дерзающим!

XVI

НЕ БОЙСЯ, ТОЛЬКО ВЕРУЙ

«По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его!

И говорят между собою — кто отвалит нам камень от двери гроба?» (Марка XVI гл.)

* * *

Вот один из видов упорного, слепого, практического материализма.

Преклонение перед Материей, перед Природой, ее законами, но, увы, дурно понятыми.

Не Он ли говорил, что по вере и горы приходят в движение..

И горы слышат голос.

И камни возопиют...

Не Он ли учил, что верующему все возможно.

Не Он ли сказал: в третий день воскресну.

И вот — третий день.

«Кто отвалит нам камень» — недоумевают ученицы.

Вера в Материю убила веру в дух...

Но камень отвален и Юноша свидетельствует, что *Он жив*.

«И вышедши побежали от гроба, их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись».

Это довольно странный страх.

Он существует очень часто и теперь и даже среди людей с прозревшими очами...

Многие ученые так и уносят в могилы великие открытые ими Тайны, *боясь*, чтобы не назвали их сумасшедшими или вообще не получилось бы чего неприятного...

Есть в настоящее время, по свидетельству покойного Бахметьева, один ученый, уже установивший, что кристаллы живут, движутся, пляшут, обнимаются, плодятся, и не решающийся выступить с этим изумительным открытием.

Бойтся.

А страх этот корнями своими покоится на старой вере — в смерть.

И вот — многие подобные страшливыцы готовы бывают скорее отречься от того, что видят собственными глазами и осязают руками, чем изменить ходячему традиционному взгляду на вещи.

Ходите с открытыми глазами.

Будьте самобытнее. Живите и верьте.

«Не уявися, что будем»⁵. — Только верьте.

И работайте бодро и единомысленно над раскрытием Тайны.

Природа в наших руках и законы ее — для нас, а не против нас.

Не станем уподобляться тем, кто и увидевши Его воскресшим, не поверили.

Будем же дерзновеннее.

А между тем — вера прежде всего.

Вера — это уже сама действительность.

Это — активная, реальная сила.

Прентис Мюльфорд в своей книге «На Заре Бессмертия» утверждает (привожу не всегда дословно):

«Все, чего мы ясно, неотступно желаем, — принадлежит нам.

Каждое же сомнение разрушает кристаллы действительности, начинающие образовываться из выделяющихся мыслей вокруг нас.

Мысли — предметы... Они так же действительны, как вода, воздух, металл.

Они действуют внутри и вне тела.

Переходят к другим — вблизи и вдали, бодрствуем ли мы, или спим.

Мысли непрерывно строят и разрушают наше тело»⁶.

Таково значение веры, мысли, желания — по Мюльфорду.

Христос все это знал значительно раньше и потому говорил:

«Уверовавших будут сопровождать сии знамения — Именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками. Будут брать змей, и если что смертоносное выпьют, не повредит им.

Возложат руки на больных, и они будут здоровы»⁷.

Чего бы ни пожелал верующий и не сомневающийся — все будет.

XVII ВОСКРЕШЕНИЕ СЫНА ВДОВЫ (Луки VII, 13)

Почему Христос воскрешает не всех, а только некоторых?

Юношу в Наине, дочь Иаира, Лазаря.

Разве Он не мог воскресить всех мертвецов всего мира?

Говорят, что за этих просили.

Но может ли быть, чтобы не просили и за других.

Говорят еще, что над этими Он сжалился.

Но ведь Вселюбящий Христос жалеет всех.

Почему же, жалея всех, одних воскрешал, других оставлял тлеть.

Поэт говорит:

«И тем, которые готовы,

Готова Новая Судьба».

Не здесь ли Тайна поведенья Иисуса?

В готовности принять воскрешение.

Вечность интересна тогда, когда мы готовы для вечности.

Когда наша плоть преображена и мы раскрыли в себе творческие способности.

В противном случае бессмертие было бы тягчайшим даром.

Ведь даже воскрешенные Им Лазарь, сын вдовы Наинской и дочь Иаира, — не сумели воспользоваться чудным даром и умерли снова.

Итак, прежде чем воскресить, необходимо поднять человечество до известного уровня.

Надо вернуть ему уверенность в его царском происхождении.

Надо науку об ответственности за все и за всех сделать достоянием всех.

Тогда только победа над Смертью становится величайшим благом.

Тогда только она является эрою в дальнейшем нашем стремлении к Богочеловечеству.

В воскрешении сына вдовы, как и в прочих случаях воскрешения, еще обращает на себя внимание одна сторона дела — чисто физическая.

Христос или касается одра, или берет за руку, или же приказывает отвалить камень и, наконец, повелевает смерти.

Все это свидетельствует, что *воскрешение совершается Некою Силою, находящеюся внутри воскрешающего*.

Отсюда: воскрешать могут только обладающие этою Силою.

Мы уже знаем, что Христос повелел нам воскрешать мертвых.

Но также должно знать и то, что Он дает и силу это творить.

В усвоении этой силы и проведении ее в жизнь и состоит Его Дело.

Преображение и Воскрешение Всего Космоса — вот задача человечества.

XVIII МИР ВАМ (Иоанна XX)

Воскресение — самый главный момент в Деле Иисуса.

Вот почему по воскресении Он приходит с приветом:

Мир вам.

Нет ничего страшнее Смерти.

И пока Смерть не побеждена, что бы нам ни говорили — нет нам покоя.

Но вот — Христос воскрес.

Смерть побеждена.

«Мир вам!» — говорит Он ученикам, сходя в горницу, где они укрывались — страха ради Иудейского.

И эти слова до настоящего времени звучат приветом мира.

Нет более страха, если устранена причина его.

Если Смерть побеждена, что может испугать меня?
 Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, а то, что угнетает, — пройдет.
 Мир вам — мои близкие! Мир — дальние. Мир — Небо. Мир Земля!
 Все, что стонет и что проклинает от страданий, — мир вам!
 Если восстал от мертвых первенец, восстанут и все идущие за Ним.
 Идите же и проповедуйте — Мир всему миру...
 Евангелие Воскрешения.

XIX ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ (Иоанна XI гл.)

Смерть есть — мираж.
 Но этот мираж будет существовать до тех пор, пока люди не проникнутся полностью сознания ответственности за Целое.
 Смерть есть последствие греха.
 А грех — забвение Целого...
 Иисус знал, что Смерть — мираж.
 Через несколько мгновений он воскресит Лазаря...
 Но отчего Он воскорбел духом и возмутился?
 Отчего Он прослезился?
 От непонимания Его людьми и даже ближайшими учениками.
 «Лазарь, друг наш, уснул, но я иду разбудить его», — говорит Иисус, и ученики понимают Его буквально.
 «Лазарь умер», — говорит, наконец, Христос.
 «Пойдем и мы умрем с ним», — восклицает Фома.
 Иисуса огорчает сознание, что такой ничтожный, призрачный враг, как смерть, долго еще будет терзать человечество, ибо люди разъединены и неверны.
 Видя скорбь Марфы, Господь, утешая ее, говорит: воскреснет брат твой.
 Что же она отвечает на это?
 — Знаю, что воскреснет в «воскресение» — в последний день.
 Вот этот-то «последний день» и огорчает Иисуса.
 Заставляет его прослезиться...
 Все на последний день откладывается.
 На всем печать, если не верия, то сомнения, боязни, нерешительности, неподвижности.
 На заявление Марфы Христос отвечает словами, которые никогда не останавливали на себе должного внимания, но кои должны бы быть столпом огненным для всего человечества:

«Я есмь Воскресение и Жизнь; верующий в Меня, если и умрет — оживет;
 И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек.
 Веришь ли сему?»
 Изумительные слова!
 Но еще изумительнее то, как отвечает Ему Марфа: «Так, Господи! я верую, что Ты Христос Сын Божий, грядущий в мир».
 Это ответ не на вопрос.
 Иисус спрашивает Марфу не о том — верит ли она в Него как в Мессию, а верит ли она — сему, т. е., что живущий и верующий в Него не умрет вовек.
 На этот вопрос она не может ответить, потому что не верит сему.
 Это видно из дальнейшего, когда на требование Иисуса «отнимите камень» Марфа говорит: «Господи, уже смердит, ибо четыре дня, как он во гробе».
 Заставляя тем Иисуса повторить сказанное выше: «Верующий в Меня не умрет вовек».
 Пусть обратят свое напряженное внимание на эти слова — все верующие.
 Что кичишься своею верою?
 Победа над Смертию — вот пробный камень истинной веры.
 Вот мерило нашего отношения ко Христу.
 Соедините же ваши провода с Божественным Током и не разъединяйтесь с Целым и Центральным.
 Смерть есть — мираж для тех, кто поступает так.
 «Живущий и верующий в Меня не умрет вовек».

XX КТО СОБЛЮДАЕТ СЛОВО МОЕ, ТОТ НЕ УВИДИТ СМЕРТИ (Иоанна VIII гл.)

Авраам умер. Пророки умерли.
 Но не делайте из этого себе отговорки — и мы умрем.
 Если захотите — не умрете.
 «Кто обличит Меня в неправде?» — говорит Христос (Иоанна VIII, 46).
 «Если же Я говорю истину — почему не верите Мне?»
 А Он говорит:
 «Кто соблюдает Слово Мое, тот не увидит смерти вовек».
 Какое же это Слово и где Центральная часть его?
 Соединение нашего тока с Божественным Током — Иисусом.
 Устремление всех сил на создание Царства Божия — Победу над смертью — Вот Слово Иисуса.

Благая Весть о Деле Его, начатом, но еще не завершеном, потому что завершение его поручено нам — пришедшим в одинадесятый час.

Как же может допускать мысль о своей смерти тот, кто призван быть активным участником во Вселенском Деле?

Во вселенской победе над общим врагом.

Верьте Иисусу. Исполняйте Слово Его и будете жить вовек.

XXI ЧТО ВЫ ИЩЕТЕ ЖИВОГО МЕЖДУ МЕРТВЫМИ (Луки XXIV гл.)

Эта глава особенно важна для нас тем, что подтверждает воскресение в преображенном, но *прежнем* нашем теле, а не каком-то *вновь* сотканном.

Свойства этого тела новые — оно может быть невидимым, проходить сквозь затворенные двери, возноситься.

Но оно — наше. Древнее наше тело.

«Когда они говорили, Сам Иисус стал посреди них и сказал им: мир вам!

Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа.

Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши.

Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это — Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги.

Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пицца? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда — и взяв, ел перед ними». Один московский художник на утверждение о Воскресении Христа — всегда возражает, что неужели Он воскрес с зубами?

Да, оказывается с зубами.

Не надо только быть упрямыми, как глупые дети, — и все пойдем.

Сначала поверим — потом увидим.

Сначала Богоощущение, потом Боговидение.

Еще не так давно казалось странным и нелепым утверждение Благой Вести о моментах, когда Христос становился невидимым.

Заблуждались, не зная Писаний, ни Силы Божией.

Теперь уже есть утопия Уэльса, где очень правдоподобно рисуется возможность такого состояния⁸.

И есть научное открытие, свидетельствующее о том же.

Жидкость — при опускании в которую животного — от последнего видны только внутренние органы или даже, нервы. Еще не-

давно было странно утверждать прохождение сквозь затворенные двери.

Теперь, когда стало ясным, что Материи нет, а есть только лучисто-магнитные волны⁹, и эта странность отпадает. Ясно, что, если научиться комбинировать эти волны по своему усмотрению, — можно делать со своим телом что угодно.

Индусы издавна смотрели на тело как [на] миллиарды малых сознаний. Легко представить их, эти сознания, соединенными и разъединенными по воле главного сознания.

Неверие всегда остается позади. Роется в пеленах. Вопросает — где положили?

Но для всех веков один ответ им:

Что ищете Живого с мертвыми? Обернитесь.

«Как Смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых» (1 Кор. XV гл.).

А. С. ПАНКРАТОВ

Жизнь не прекращается

Мне противна всякая борьба. Бороться со смертью я не могу потому, что смерти нет. Не с чем бороться.

...Студентом я приехал домой на лето. Веселился, гулял в городском саду, устраивал пикники. А дома лежал мой брат, прелестный мальчик Володя. Он был пригвожден к постели недугом. Годы болел он и ходил в гимназию. Слег, потому что открылась глубокая рана на бедре. Однажды я вернулся домой часов в 11 вечера и попросил мать, чтобы она разбудила меня в два часа ночи, так как я должен встретить на вокзале одну московскую знакомую, проезжавшую мимо нашего города. Когда меня разбудили и я одевался, то услышал голос Володи: «Саша! Принеси мне с вокзала конфету!» Голос был веселый и ласковый. — «Хорошо», — отвечаю я. — «Смотри, не забудь!» — «Не забуду, дорогой!» Я ушел, потом пришел, лег и заснул. Утром над своим лицом я увидел наклонившуюся мать. Она плакала: «Володя умер!» Я бросился в другую комнату и увидел брата, лежавшего спокойно, с открытыми глазами. «Это смерть? — спросил я себя мысленно. — Как проста она». И я не мог поверить, что Володя умер. Провожал его в могилу, как в отъезд. И теперь я не верю, что он умер, т. е. исчез с телом и душой.

Он жив в моей душе, и я буду жить в чьей-нибудь душе. Все мы живем: и живые и мертвые — общей жизнью. Нет деления,

нет бездны между жизнью и смертью. Внешняя грань — тело — совершенно не ценно и не существенно, как не ценна внешность в религии духа, к которой стремится человечество.

...Потом умер мой отец. Также просто. Как будто ушел в другую комнату. Он хорошо поужинал. Потом что-то почувствовал, послал за женой — моей матерью и хотел встать на колени перед иконой. Встал и... скончался. В гробу лежал простой и ясный. Когда его хоронили, мне казалось, что он жив, стоит здесь около меня и с любопытством смотрит, как закапывают в могилу его тело.

Бросился мне тогда в глаза наш православный заунывный чин похорон. Его составляли люди, цеплявшиеся за эту жизнь и страшно боявшиеся смерти. Нужна радость, а не печаль. Нужно напутствие души человека, освободившейся от тела, и усиленная просьба к ней чаще входить в общение с душами людей, оставшихся на земле. Словом, горе мы выдумываем, напускаем. Плачем нервами, а не душой. «Смерть» же проста, ясна и радостна, потому что она — жизнь!.. Впрочем, похоронное горе наше скоро проходит, мы забываем — и это одно уже говорит о том, что мы насилуем душу. Горюем нервами...

...Умерла потом и мать. Я застал ее в бессознательности, в агонии. Потом она стихла и протянулась. В гробу лежала такая же ласковая, милая, святая, какой была в жизни. Вот только напрасно закрыла глаза — стала от того казаться безучастной к нашим, ее детей, волнениям и нуждам. Я яснее ясного сознавал, что она здесь, около нас, и вечно будет около нас, а мы будем около нее. Поэтому — я не понимаю, зачем так громко плакала сестра? Что же такого произошло?..

Почему мы не плачем, когда скверним свою душу грязью, пороками? И плачем — когда провожаем душу родного человека в мир, где нет греха и грязи? Потому, что мы о душе никогда не думаем и в то, что она живет после распада земляной оболочки, не верим. Если бы верили, не было бы «надгробных рыданий». Погребение для нас то же, что исповедь, крещение, причастие, — мы механически относимся ко всему и о смысле никогда не думаем.

...Когда я прихожу на кладбище, я вхожу в свой дом, где вижу Володю, отца и мать. В суете жизни я редко о них помню, а здесь, на кладбище, я весь отдаюсь им, оттого я люблю кладбище более, чем музей, библиотеку, театр, свою квартиру. Почему кладбища удаляют от строений — я не знаю. В Москве кладбище должно быть на Театральной площади. Нужно стремиться к тому, чтобы душа человека чаще соприкасалась с душами ушедших, чтобы трамвайная суета жизни не заглушала в нас росток Божьего семени. Кладбище не безобразно и не жутко, а красиво и радостно.

Я сижу и думаю всегда, куда они — Володя, отец, мать — от меня спрятались и молчат. Но я ясно чувствую их присутствие здесь. Спрятались за деревом — и смеются: Найди-ка! — «Ау, Володя!» Если бы членораздельной речью отвечала душа, а не тело, то я услышал бы ясно: — «Ау! Я здесь, под березой!..» Но речь ушедших иная — речь духовная. Мы ее не слышим, а чувствуем...

Когда душа облечена в тело — она, вероятно, находится на низшей ступени развития. Потом погасает внешность, и жизнь переходит в область духа. Все на свете от земли стремится в небо. *Зачем же мы будем задерживать дух на земле и мучить его в несовершенной обстановке?*

...Я очень люблю читать книги о прошлом, где говорят люди уже ушедшие, люблю старые церкви, где стояло и молилось столько ушедших от нас людей, — старинные портреты и заросшие травой ветхие дома, где жили люди, от нас теперь ушедшие... Везде я чувствую присутствие душ этих смолкнувших людей. Они — здесь, в этих домах и церквях, живут своей высокой, для нас непонятной и таинственной жизнью, воздействуют на наши души. А наши души влияют, вероятно, на их души.

Если бы люди верили в непрекращающуюся жизнь, было бы меньше зла на земле. Люди были бы тоньше и мягче. Зло родится в неблагородной, грубой обстановке жизни тела и его оторванности от души. Масса учений, к сожалению, — поддерживают и распространяют эту оторванность. Тем способствуют злу. Между тем только благородная мысль о вечном духе может уничтожить зло и горе на земле.

Облагородить жизнь — «вселенское дело».

Я так чувствую. А мое чувствование для меня выше всего на свете. Оно есть истина.

Но это только мой путь к Духу и Богу. Путь тысячи. И все они правильны, если ведут к Духу и Богу.

Так как я чувствую, то вечно сомневаюсь...

И. И. ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ

Что я думаю о воскрешении

(Письмо к редакторам сборника «Вселенское Дело»)

Вы спрашиваете меня, что я думаю о воскрешении. Воскрешения я не понимаю, потому что не верю в смерть — в смерть души, конечно. Смерть плотская очевидна, и есть ли она или нет, гово-

речь не приходится, — для всех она так очевидна. Но смерти души, смерти жизни (а жизнь вся в духе) не может, по-моему, быть. Я верю, что со смертью плотской душа переходит в иную форму жизни, — какую, я не знаю, но верю твердо в то, что жизнь духа продолжается без какой-либо остановки. А если нет смерти, то не может быть и воскрешения. Воскрешение предполагает смерть чего-то того, что должно воскреснуть.

Воскрешенье людей в их истлевшей и превратившейся в землю [оболочке], и в растения, и в новые, чрез поедание растений, существа и т. д., я совершенно не понимаю и представить себе не могу, да и к чему заботы эти о воскрешении в этой, истлевшей уже к концу жизни, оболочке нашего живого и вечно растущего духа. Смертному смерть, живому жизнь вечная!

Что будет там — в продолжении нашей вечной жизни, — сольется ли дух наш совершенно с Источником жизни, Богом-духом, или по воле Его мы вновь вселимся в какую-либо физическую оболочку в каком-либо из миров вселенной, — этого не дано нам знать. Если не дано, то, очевидно, не нужно — не нужно, может быть, потому, чтобы не занимались много гаданьями, волнующими, истощающими, рассеивающими духовные силы вместо того, чтобы направить их все на сейчаснюю нашу жизнь, составляющую сейчас познаваемую нами во всей силе, глубине и ясности часть нашей истинной вечной жизни.

Мне думается, что все силы надо направлять на сейчаснее проявление нашей божественной сущности. Сосредоточиваться же на области совершенно гадательного, неизвестного значит отвлекать высшие свои силы от сейчас данного, открытого нам, известного нам живого дела сейчасней жизни, в которой сейчас раскрывается и осуществляется божественная вечная жизнь.

Мечта о воскрешении моем в моем теле, то есть в соединении опять моего духа с моим телом, истлевшим и чудесно вновь сцепившимся изо всей вселенной, где тело мое превратилось в пылинки, былинки и частички живых существ, — для чего сосредоточиваться на этой мечте? Зачем для нового проявления моей жизни так нужно именно мое, и теперь уже частью истлевшее, тело, эта оболочка, которая, давая мне возможность проявить чрез нее дух мой в этой жизни, вместе с тем так много и препятствовала проявлению этого духа?

Я понимаю, конечно, происхождение этой мечты в одном — в страстном желании вновь увидеть в привычном плотском воплощении милые, дорогие, бесконечно любимые, свято чтимые существа, разлука с которыми наполнила дух неиссякающим горем.

По слабости человеческой я могу мечтать о чем-то подобном, понимая всегда невозможность его (подробнее не буду говорить, потому что мне страшно больно говорить об этом), но в моей божес-

кой вечной сущности я знаю, что только в ней, в этой духовной сущности, возможна вечная неразрывная жизнь с дорогими мне, физически от меня ушедшими, — только в том духовном единении, которое ничто не может разрушить.

Простите, что пишу только эти несколько строк. Вопрос великий, и, если Бог пошлет, хотел бы к нему вернуться, но сейчас не могу, по чисто личным причинам, полнее, шире высказаться о нем.

2-го ноября 1913 г.

В. Я. БРЮСОВ

О смерти, воскресении и воскрешении

(Письмо в ответ на вопрос)

На вопросы: что такое смерть? что такое (и существует ли) воскресение? возможно ли (и нужно ли) воскрешение? — пытаются дать свои ответы наука, философия, искусство и религия. Как поэт, я тоже ставил себе эти вопросы (см., напр<имер>, мое стихотворение «Искушение» в сборнике «Urbi et Orbi»¹), но думаю, что наиболее решительный ответ нам должна дать — и даст когда-нибудь — наука. Смерть и воскресение суть естественные феномены, которые она обязана исследовать и которые она в силах объяснить. Воскрешение есть возможная задача прикладной науки, которую она вправе себе поставить.

В пределах нескольких строк, которыми я располагаю, невозможно сколько-нибудь обстоятельно определить те пути, по которым наука должна будет идти для посильного решения этих вопросов, без сомнения трудных и для человечества крайне важных. Следует, однако, сказать, что первые шаги по этим путям человеческим знанием уже сделаны и что в области изучения феноменов смерти и бессмертия уже добыты сведения, которые могут быть отнесены к числу «научных истин». Многочисленные наблюдения и многочисленные эксперименты, перечислять которые или указывать на которые здесь не место, установили с неопровержимостью тот факт, что бытие человеческой личности (индивидуальности) не прекращается после момента так называемой «смерти». Точно так же наблюдения и эксперименты доказали нам, что возможно общение лиц «живых», т. е. еще только ожидающих смерти, и «умерших», т. е. перешедших через смерть. Наконец, установлены наукой и некоторые условия, которым подчинено бытие личностей, перешедших через смерть.

Очередной задачей научного исследования является дальнейшее изучение условий, при которых протекает бытие личности после смерти, и условий, при которых возможно их общение с лицами «живыми». Подлежит также исследованию вопрос, продолжается ли после смерти бытие других (не человеческих) индивидуальностей, напр<имер>, высших животных. В связи с этим стоит другой вопрос — о бытии существ иных, чем человек, протекающем в условиях, аналогичных с теми, которым подчинена личность человека после смерти (гении, ангелы, демоны, духи и т. д.). Наконец, заключительным звеном этих предварительных исследований должно быть решение вопросов: есть ли бытие личности после смерти временное (пакибытие) или бесконечное (бессмертие) и возможно ли для личности, перешедшей через смерть, вновь вступить в число «живых» (метампсихоз). Все эти вопросы, хотя окончательно не решены еще наукою, определенно ею поставлены, причем на пути к их решению уже установлены некоторые руководительные вехи.

Во избежание недоразумений, я принужден добавить, что, говоря о науке, я имею в виду не только те дисциплины, которые разрабатываются в современных университетах, но всю совокупность человеческих изысканий, поскольку они ведутся по определенным методам и подчинены научной логике. «Университетское» знание приближает нас к решению данных проблем, поскольку оно изучает некоторые, поныне еще темные, области психологии, в том числе гипнотизм, сомнамбулизм, месмеризм, состояние транса, телепатию, раздвоение личности и т. п. Исследования и эксперименты спиритов содействуют той же цели, накапливая множество, часто весьма ценных, фактов, классифицируя их и давая им гипотетическое объяснение, — в тех случаях, конечно, когда эти исследования подчинены научным методам (хотя бы и своеобразным, согласно со своеобразием предмета) и когда цель их есть выяснение истины, а не практика переговоров с «отшедшими» ради получения религиозно-нравственных поучений. Опыт и теория магии прошлых столетий и современного также дает богатый фактический материал, на котором могут базироваться новые исследователи и который позволяет сознательно выбирать пути изучения и приемы экспериментов. Традиции, сохраненные в оккультизме, и традиции, собранные в современной теософии, должны в данном случае играть ту же роль, какую в науках физических играют гипотезы. Все это, вместе взятое, вполне достаточно для того, чтобы независимый ум, желающий строго-методически вести свои исследования, мог в наше время с успешностью разрабатывать те важные проблемы, о которых мы говорим.

Все, сказанное раньше, предreshает мое суждение о последнем из затронутых здесь вопросов, именно — вопросе о воскрешении. Так как бытие личности после смерти (бессмертие или пакибытие)

для меня есть не вопрос веры, но вопрос знания, т. е. так как я знаю (поскольку наука может что-либо знать), что после смерти бытие человеческой личности (индивидуальности) не прекращается, — «воскрешение» приобретает для меня несколько иной смысл, чем этот термин имеет для многих других. Под «воскрешением» я могу понимать: или 1) восстановление телесной оболочки той личности, бытие которой протекает при условиях, не нуждающихся в этой оболочке; или 2) возвращение личности к бытию после окончания нам неизвестного срока, названного здесь пакибытием. Первое воскрешение мне представляется излишним и аналогичным желанию обратить бабочку вновь в личинку. Второе воскрешение мне представляется проблемой преждевременной, подлежащей выставлению лишь после того, как самое пакибытие станет установленным научным фактом, да и то при условии, если предел пакибытия не окажется (что мне кажется наиболее вероятным) вторым пришествием.

Ноябрь 1913.

